

≈ 35 мин

Оглавление [скрыть](#)

1. Общая информация
2. Кто и что преподаёт
3. Как преподают
4. Администрация и её структуры
5. Коррупция
6. Студенты
7. Перспективы для марксизма?

Во многом мой очерк является своеобразным дополнением к уже публиковавшемуся материалу [«Пляски по усопшему: марксизм и историческая наука в одном вузе»](#). Я тоже студент, студент исторического факультета одного из провинциальных педагогических ВУЗов на Южном Урале, и могу совершенно точно утверждать: написанному — верить. Три с половиной года я наблюдаю на своём факультете примерно ту же самую картину, которую набросал в своём эссе Ишимбаев. Но в силу самого формата многое и многое ему пришлось оставить за скобками, а потому я решил подготовить свой очерк из жизни уже нашего истфака, дабы у читателей сложилось более полное представление о том, чем дышат провинциальные университеты, и почему находясь в них, так тяжело не задохнуться в миазмах.

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Как я уже упоминал, провинциальный университет, город X, центр субъекта федерации. ВУЗ стабильно входит в топ 500-600 высших учебных заведений России (напомню, всего там более 2000 позиций). В городе и субъекте

университет престижным не считается, занимая одно из последних мест по популярности среди абитуриентов. Считается, что сюда поступают по остаточному принципу «больше никуда не прошёл на бюджет», и, по моим наблюдениям, это вполне справедливо: на моём курсе чуть более десяти человек, действительно пришедших учиться на педагога «по зову сердца». Но есть заведения и похуже. Можно сказать, что речь о «среднячке».

Материально-техническая база ВУЗа находится в прекрасном состоянии, жаловаться практически не на что. Не только те корпуса, где располагается истфак, но и все прочие в идеальном состоянии. Помещения ремонтируются, линолеум перестилается, компьютерный парк обновляется... Чего не скажешь о состоянии общежитий, которые делятся на три категории: хорошо, терпимо и клоповник. Выбирай по финансам.

Воруют ли? Судя по сайту госзакупок — да. Полмиллиона было потрачено на ремонт несуществующего и никогда не существовавшего в принципе в нашем корпусе медпункта, каждый год закупается «оказание оздоровительных услуг» на полтора миллиона у какой-то турбазы за городом, до которой никто так и не доехал... Но в связи с тем, что воруют, как принято говорить у мещан, «в меру», особого возмущения эти факты, даже если начать их обсуждать напрямую, не вызывают. По крайней мере, у студенчества точно. Не у нас же из кармана взяли! Но об этом позднее...

КТО И ЧТО ПРЕПОДАЁТ

Преподаватели в большинстве своём аполитичны. Откровенных сторонников текущего политического курса очень немного, но ярых оппонционеров хоть с

какой-то чёткой политической позицией нет вовсе. Отношение к властям иронично-снисходительное во всём, что не касается уровня зарплат. Эта тема действительно задевает, но никакого реального сопротивления ни непосредственной администрации, ни системе в целом не оказывается даже в мелочах, не говоря уже о каких-то крупных возмущениях.

Умеренный антисоветизм отмечается у значительного количества научных работников ВУЗа, хотя по инерции даже самые молодые из них продолжают использовать марксистский категориальный аппарат. Особенно забавно это выглядит, когда они совершенно не разделяют марксистской методологии, но упорно тянут за собой соответствующие словеса.

Я бы не стал выделять вопрос отношения к советскому периоду истории как нечто особенное, стоит скорее говорить об отношении к истории революционного движения в России в целом. Здесь нет агрессивной злобы и «развенчания». Отношение это даже не враждебное, оно просто презрительное. Декабристы? Начитались сентиментальных книжек, бесились с жиру. Народники? Наивный и невежественный молодняк, похватавшийся за оружие. Большевики? Группа утопистов, быстро съехавших на прагматизм. Революционное движение в России и рождённый его развитием революционный строй со всеми вытекающими — предмет снисходительного похлопывания по плечу, не более. Один только русский либерализм был хорошим, даже если оставался уделом бумажной деятельности ограниченного круга лиц. Примечательно, что пиетет перед «старым» либерализмом испытывают даже те, кто ничуть не сочувствует современному.

Главная болезнь почти всех профессоров — история повседневности и краеведение. С этим носятся сильнее, чем когда-то на заре девяностых носились с цивилизационным подходом. Благо, религиозная философия и прочая бердяевщина уже совсем не в чести. Но от больших категорий вроде «феодализм», «революция», «абсолютизм» всё равно отвыкайте — ни к чему они вам. Событийная сторона — ничто, реконструкция форм мировосприятия — всё. Последние в лучшем случае лишь частично определяются материальными условиями жизни.

Поражает нездоровая ситуация, связанная с преподаванием у нас источниковедения. Не буду касаться столь сложной темы, как резкий рост значения источников личного происхождения по сравнению с прочими, но явный протест вызывает изменение подхода к критике. Был такой период, когда советские источники вообще не подвергались никакой критике, априори считались максимально достоверными и непогрешимыми. В оттепель ситуация меняется, заговорили о критике советского источника. В наше время, на первом курсе, я услышал новое откровение: советским источникам вообще нельзя доверять. Думал, что это причуда преподавателя, на деле все оказалось куда печальнее.

Приведу несколько цитат из учебника, по которому нас учили:

«Видимостью были и якобы производимые материальные ценности. Производиться может не только реальная, но и фиктивная стоимость — то, чего нет в природе, а есть на бумаге, т. е. мираж, натуральная „мёртвая душа“»¹.

«С точки зрения источниковедения здесь существуют две проблемы. С одной стороны, таким документам — неискренним, лживым — невозможно верить². Но, с другой стороны, как раз это как нельзя лучше характеризует советскую эпоху»³.

«Формула восприятия мира, внедряемая советской идеологией, укладывалась в нехитрое построение: мы делаем великое дело, а в капиталистическом мире все помыслы направлены на наживу, секс и подготовку войны. У нас — человек человеку друг, у них — человек человеку волк. Подобной философией проникнут почти любой источник. Даже безликая статистика, создававшаяся усилиями не одного человека, „берёт“ и „отражает“ лишь то и так, как её воспринимают в соответствии с идеологическими установками люди, составлявшие программу того или иного обследования. В результате не только искажение или утаивание части информации, но и невозможность установления истинности и реального значения данных, поскольку они оказывались несопоставимыми с мировой статистикой, полученной по иной методике. И речь идёт не столько о, так сказать, технологии сбора и обработки статистических материалов. Наша методика не просто иная технологическая операция, а скорее — операция идеологизированная, ибо её цель не установление истины, а демонстрация, причём во что бы то ни стало, всё возраставших достижений советского общества»⁴.

«Период сталинизма, затем эпохи застоя и социального лицемерия наложили сильнейший отпечаток и на литературу, и на документы. Порой документы делали специально непригодными для раскрытия исторической

правды, чудовищной ложью, приписками или умолчанием заслоняя истинное положение дел»⁵ .

«Статистика имела тенденцию к совершенствованию сбора информации, её переработке. Но вид источника определяла на протяжении времени не форма, не технология обработки, а эпоха, которая фальсифицировала советскую статистику так, что ею почти невозможно пользоваться»⁶ .

Вообще, рекомендую читателю ознакомиться с данной книгой лично и не верить мне на слово. Получите массу новых впечатлений. Моё же таково: если ТАК подходить к источниковой базе, то история и вправду не наука. Куда ни хватись — всё ложь, ничего нет, и ложью проверяется, а перепроверить захочешь — вновь ложью придётся проверять, только из другого наркомата. Советский период тогда вряд ли может быть когда-либо изучен, особенно в части экономики. Именно на источники, связанные с этой сферой жизни, автор «напирает» особенно сильно.

Не сомневаюсь, что составляя очередной делопроизводственный акт, Н-ский райисполком в 1934 году был крайне обеспокоен именно угрозой раскрытия через полвека «исторической правды». Как и все статистические ведомства. Сколько «преступлений кровавого режима» государство творило в настоящем, а вот будущих историков XXI стыдливо пугалось. А государством управляли вслепую. Или во всех учреждениях на всех уровнях существовали две канцелярии: одна — для будущих историков, другая — внутренняя, для реального управления. Но она так и осталась секретной, да к тому же ещё была и уничтожена.

Не подумайте, что я такой непримиримый максималист. Некоторые обозначенные автором проблемы реально существуют. Например, в области того, что автор называет «*телефонным правом*»⁷ : когда важнейшие для понимания событий переговоры, распоряжения, доклады происходят посредством телефонной связи, но звонок не был никем записан и никто не оставил о нём воспоминаний. Он попросту не был задокументирован для потомков, а мог иметь просто судьбоносные последствия для страны. Эта проблема в источниковедении актуальна относительно всего периода XX века безотносительно конкретной страны или политического строя, но в данном учебнике никаких упоминаний о долгоиграющем характере проблемы нет, она чисто «советская». И так во всём.

Хотя казалось бы — непосредственные методы работы изложены недурно (по крайней мере, для своей методологии) и зачастую лишены налёта тенденциозности, на словах критическое отношение провозглашается и к досоветским, и к советским, и к постсоветским источникам, вот только степень критичности вырисовывается совершенно разная.

В целом по прочтении создаётся стойкое ощущение, что к советским документам применяется презумпция виновности, а изучение этого периода жизни нашей страны — блуждание в потемках меж лжи, ещё большей лжи, и «Словарём блатного жаргона». И это не шутка:

«Читая „Словарь блатного воровского жаргона“ Д. С. Балдеева, дивишься обилию давно знакомых слов, о происхождении которых люди обычно и не подозревают. Тюремный фольклор (особенно песни), как, видимо, и

тюремный жаргон, плотно вошли в наш быт и сознание. А как же иначе могло быть в стране, в которой половина населения сидела, а вторая стерегла сидевших?»⁸

Про всякое неокантианство, вроде увлечения эпистемологическим анализом, поиск «интерпретации той интерпретации, которую имел в виду автор» и прочее не буду даже говорить подробно — слишком печальная тема. Можете считать меня устаревшим на век, но для меня подобные вещи — попросту подмена автора, а не серьёзный анализ. Они не пытаются очистить объективное от субъективных наслоений своего и чужого сознания — для них это не шелуха, а самая суть.

Преподавание философии на деле является курсом «истории философии» — на лекциях вкратце разъясняются основные термины (онтология, гносеология, сознание...), после чего галопом разбирается в хронологическом порядке всё от Платона до Поппера по схеме биография + основные достижения. Методологии истории как предмета более нет. Есть «научно-исследовательская деятельность» (предмет, на котором вы откроете, наконец-то, Ковальченко, что полезно, и научитесь оформлять курсовые, что бесполезно в силу того, что к моменту появления этого предмета в расписании вы по плану уже сдадите три курсовые) и «философия истории» (то же, что и философия, только зачёт).

Как-то нечаянно услышал разговор двух преподавателей с кафедры истории России: сетовали на то, что диплома (а ныне уже ВКР) по историографии никто не писал уже более десяти лет, а по методологии — ни разу с начала нулевых. Действительно, с чего бы это?

КАК ПРЕПОДАЮТ

В подавляющем большинстве случаев — хорошо. Что лекционные, что семинарские занятия проходят живо и интересно. Единственное, к чему могут возникнуть нарекания — к однообразию в методике преподавания. Не претендую на подробную критику, т. к. за моими плечами только курс школьной методики, но даже по приобретению этих знаний сей факт становится заметен. За три с половиной года обучения видел всего одного преподавателя, который не стеснялся экспериментировать и оживлять свои семинары.

На другом полюсе — немногочисленная, но весьма злобная группа преподавателей, которые читают лекции хуже иных студентов, не отрывая глаз от конспекта, а на семинарском занятии не стесняются сидеть в телефоне или ноутбуке. Хорошему преподавателю не всегда удаётся отвлечь всю аудиторию от гаджетов в пользу полезной деятельности, чего уж говорить о подобных случаях. Выступления же самих студентов превращаются в банальное начётничество материала, который, с учётом общеизвестной «слабости» преподавателя, не читается не то, что до занятия, но даже в момент скачивания.

Единственный критерий прохождения курсовых работ — обход антиплагиата. Антиплагиат, установленный в ВУЗе, рушится очень просто — достаточно менять каждое 3-4 слово в зависимости от конкретного контекста на синоним. За умеренную плату автор лично занимался тем, что «ломал» цепочки для распознавания в работе, у которой было 10 % (десять!) процентов оригинальности. Приняли и даже положительно оценили.

Ситуация известна всем, в том числе и преподавателям, но никаких мер не принимается, и приниматься не будет, в чём я за время обучения уже совершенно не сомневаюсь. Причина проста — эти работы не нужны даже самим научным руководителям, и их сложно за это осуждать, т. к. на одних «навешивают» по 20-30 человек, в то время как другие берут 4-5 максимум. А часов на проверку заложено всего ничего. С чем связана такая система, я не знаю, но подозреваю, что всё дело в своеобразной «селекции». Ведь наименее загруженные педагоги могут выбирать из записавшихся к ним наиболее перспективных студентов и реально вести их работы. Если ты нацелен на хороший диплом, то выбираешь более-менее близкие темы курсовых и работаешь, по сути, на будущее под реальным руководством. Если нет — то и спроса особого нет, были бы сноски правильно расставлены.

Т. к. я не особо рассчитывал на педагогическую стезю, то подобным образом у меня прошло написание работы по методике обучения. Курсовая была принята, даже несмотря на то, что требования к оформлению были грубо нарушены, а на титульном листе была неверно указана специальность. Во время написания (точнее, правки под себя уже имеющегося образца) у меня всё же просыпалась совесть, и я относил наработки своему руководителю, дабы получить консультацию, но всякий раз получал отказ. На четвёртый визит мой руководитель честно призналась мне, что ни разу предоставленный текст не читала. Я так подозреваю, что и по сей день единственным читателем сданной теперь уже в архив кафедры папочки являюсь один лишь я.

Покупка курсовых скорее правило, чем исключение. На себя берут, как правило, только правку, в крайнем случае, один подпункт главы, т. к. «на том конце

провода» всяких контор сидят такие же бывшие студенты, и без претензий со стороны кафедры не обходится. Ну, а если хорошая ВКР нужна, то сиди, работай.

АДМИНИСТРАЦИЯ И ЕЁ СТРУКТУРЫ

Студенческий профсоюз не то чтобы является «жёлтым» — он практически не существует как осязаемая структура. Запись первокурсников в профсоюз осуществляется чуть ли ни в первый день занятий, дабы не упустить момент. Дадут заполнить несколько бумаг с персональными данными, попросят расписаться за ознакомление с уставом. Случаи отказа мне неизвестны, потому не могу сказать точно, какие санкции предусмотрены за отказ и есть ли они вообще.

Абсурдный, казалось бы, вопрос об их существовании актуален по той причине, что после первого дня в ВУЗе выйти из профсоюза у вас уже не получится. Вы его просто не найдёте. Ни студенты, ни деканат, ни ректорат, ни официальный сайт, не смогут вам ответить, кто является председателем профкома, где его помещение, когда очередное собрание, что вообще представляет собой устав и прочее-прочее. Диалог обычно сводится к следующей цепочке:

«— Я хочу выйти из профсоюза.

— Ну, пишите заявление, выходите.

— Давайте бланк.

— Это не ко мне.

— А к кому же?

— Спросите у...»

И начинается «чиновничий футбол». Более опытные студенты советуют правды не искать — уже не одно поколение попало на эту удочку. А желающих выйти из профсоюза всегда достаточно в связи с тем, что на отчисления в эту мифическую структуру забирают 10 % стипендии. Если получаешь минималку, то особых проблем нет, а если социальную помощь, да ещё и повышенную стипендию за успехи в обучении — проблема становится ощутимой.

Впрочем, насколько нереальна структура, настолько реальны деньги, ей поступающие. Ими по факту распоряжается администрация, и с них финансируется всякая «благотворительность» вроде травли тараканов в общежитии, отправления студентов на конференции в другие регионы и прочее. Попытки поговорить о том, что нас «благодетельствуют» за наши же деньги, упирается в железный аргумент: «Ну, побунтуем, станем получать всю сумму, а дальше что? Администрация просто начнёт отвечать „денег нет“, сама раскошелиться не станет, а добровольно ни черта ни с кого не соберёшь». Причём ещё неизвестно, все ли деньги неувлимого профсоюза идут на наши нужды, ведь никакой отчётности студентам не предоставляется.

В последнее время чаще стали говорить о системе, при которой за пропуск занятий будут лишать материальной помощи. Осуществится она или нет, пока неизвестно, но предварительно выглядит всё довольно абсурдно, т. к., во-первых, не получающие подобные выплаты никак не пострадают, во-вторых, мат. помощь — не блажь администрации, а право студента, так что ещё не реализованная идея находится в совсем уж вопиющем противоречии с законом. Укрепление учебной дисциплины? Я только «за», но система штрафов — это, определённо, уже слишком.

Студенческий совет, как верно подметил Ишимбаев, — кружок массовиков-затейников и не более. Попытка упрекнуть председателя Студсовета по поводу насущных проблем, связанных с гардеробом, организацией питания и рядом других мелочей, быстро перешла в перепалку и довольно откровенно была обрублена: «У нас здесь воли нет. Студсовет существует для тех, кто состоит в Студсовете. Либо вступай, либо не выделяйся». Думаю, всё предельно ясно.

«Политических» администрация активно притесняет, вплоть до отчисления. Мне известно два таких случая: в отношении НС и ещё одного, как ни странно, молодого члена КПРФ. Первый был отчислен за репост, обнаруженный на его стене Вконтакте, второй — за распространение зюгановской прессы в общежитии.

Студенты пишут друг на друга доносы в ректорат. До меня дошло два таких случая, связанных с репостами «крамолы» на свою страницу. Правда, оба дела были спущены сначала в деканат, а потом уже на тормозах. Доносчиков так и не выявили.

О привлечении на всякие «бессмертные полки» и прочие выборы я даже не упоминаю — дело уже житейское.

КОРРУПЦИЯ

Сразу оговорюсь, наш ВУЗ славится самым низким её уровнем в регионе, и это заслуженно. Мало что продаётся, а если учишься добросовестно, то оно, как правило, и не нужно. Со случаями откровенного вымогательства наш курс сталкивался только дважды, причём один из них даже не всех зацепил. Если

вариант с деньгами всё же есть — расценки не слишком зверские, всё вполне доступно рядовому студенту.

Сама по себе коррупция не вызывает у студенчества какого-то особого негатива, скорее всего, из-за её необязательности. Один из сокурсников признавался мне, что если бы была возможность окольными путями полностью возвращать свою стипендию университету в обмен на отсутствие сессии — он бы согласился с радостью, несмотря на явный урон для материального положения. Так на работе проблем меньше и стресса от экзаменов нет. Ещё одна странность, ломающая стереотипы, — более, чем другие студенты, коррупции подвержены отличники.

Логика примерно следующая: «Я весь семестр работал, не имею пропусков, оценок куча, а „автомат“ не дали. Вот К. забивал весь семестр, практически не ходил — вот пусть он и сдаёт, а мне легче заплатить и отдохнуть, я своё уже откорячился». А неполучение «автомата» действительно воспринимается как неприятный сюрприз, по той причине, что преподаватели в нашем ВУЗе привыкли упрощать себе и студентам жизнь. Автор данных строк за всё время обучения не сдавал ни одного предмета, связанного с педагогикой или психологией, а таковые были в каждом семестре. Для «автомата» было достаточно не пропускать занятия и более-менее регулярно зачитывать распечатки у кафедры. Казалось бы, просто, но многие даже на это не напрягаются. Ведь никогда не знаешь точно — сорвётся желанный «автомат» или нет.

Неуспевающие же студенты начинают учиться только к концу семестра, дабы

получить допуск, а потом тупо «отходить» на пересдачи, пока не получат тройку. К слову, отчисления за неуспеваемость — дело почти забытое. Вот за непосещаемость ещё могут, но за то время, что я обучаюсь, такое было единожды. Если ничего не путаю, то мы на подушевом финансировании, а потому отсеивание контингента администрации просто не выгодно. У нас без особых проблем учатся люди, которые читают с листка по слогам и не могут найти на карте Чёрное море, но таких, как правило, 3-4 человека с курса, не более.

Иногда дело обстоит ещё проще. Не раз и не два мы «засекали» в деканате наличие уже заполненных и полностью закрытых ведомостей с нашими будущими оценками. Ответишь хуже? Будут гонять, пока не дотянешься. Ответил лучше? Ну, завалят чуть-чуть.

СТУДЕНТЫ

Отношение к властям у студентов нигилистическое, «запутинцы» стараются себя не проявлять, т. к., высказывая свои взгляды, зачастую бывают высмеяны. Из оппозиции не поддерживают никого, ни системных, ни внесистемных, ни столь популярного ныне у молодёжи Навального. Никому не верят и ничего не хотят кроме обустройства своей личной жизни. О политике говорят охотно, но всерьёз ей интересуются мало и, по правде говоря, ещё меньше в ней понимают.

Главная проблема даже не в политической аморфности, а в отсутствии самоидентификации себя как определённой социальной группы. Состояние студенчества воспринимается скорее как досадная помеха на пути от

школьного аттестата до диплома, оно мыслится как временное, быстро преходящее (несмотря на 5 лет бакалавриата!), а потому совершенно недостойное того, чтобы бороться за свои права в его рамках.

У большинства не наблюдается почти никакого интереса к получаемой специальности. Мало кто связывает своё будущее с педагогической деятельностью, ещё меньшее количество людей видит себя в науке, хотя поток публикаций не иссякает. На мой взгляд, причиной тому является специальная надбавка к стипендии, которая начисляется при наличии определённого количества публикаций, пусть даже и проходных. Идейные «научники» есть, но прослойка эта тонкая. Хотя перспективная. Иметь её на своей стороне — обеспечить интеллектуальное будущее нашему движению.

Как ни странно, сама история большинство историков не привлекает. Если вы поступаете на истфак в ожидании бурных споров по поводу судеб родины, то ВУЗ значением ниже федерального — вряд ли ваш выбор. Я замечаю, что лекции слушают с интересом, но крайне редко обсуждают, а семинарские дискуссии проходят только в том русле, которое задаёт преподаватель, но не более. Нет, конечно, на каждом курсе есть как минимум один человек, который «мутит воду», если не по политической части, то хотя бы в плане исторической позиции, но будьте готовы к тому, что это будете вы.

Доходит до смешного — на один и тот же семинар один и тот же студент может принести статью Николая Троицкого «За что я люблю народовольцев» к первому вопросу и что-нибудь откровенно черносотенное ко второму. Просто его не трогает ни то, ни другое, ему всё равно, что зачитывать — был бы материал

строго по вопросу, а там хоть трава не расти. ВУЗ — та же работа, причём нелюбимая. Не без удивления отмечаю, что о «первой», настоящей работе, говорят и слушают куда охотнее, чем о науке. Причём неважно, идёт ли речь о такси, общепите, охране, самозанятости или чем-то ином.

Материальное положение студентов вполне терпимое. Минимальная стипендия составляет 3000 рублей, но не так уж сложно путём «активизма» довести её до 5-6 тысяч. Если при этом есть «социалка», то положение такого студента можно охарактеризовать как завидное, тем более, что перечисленные выше сферы занятости — только капля в море иждивенчества. Стипендия — не средство выживания, а приятные карманные расходы. По крайней мере, для подавляющего большинства. Настоящие малоимущие, хватающиеся и за учёбу, и за работу ради дохода, есть, но их ничтожное число. Почти все они из «сельских». Не все приехавшие с сельсоветов бедствуют, но все, кто бедствует — с сельсоветов.

Единственные вспышки возмущения, которые мне доводилось наблюдать, были связаны с резким повышением платы за все категории общежитий, но далее разгневанных депутаций, которые, впрочем, после беседы с ректором быстро остыли, дело не пошло. Разговоры о каком-то сопротивлении не воспринимаются серьёзно и не рассматриваются как реалистичное развитие событий.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ МАРКСИЗМА?

1. Любой рост политической активности студенчества надо связывать с падением уровня жизни их семей. Никакие чисто студенческие проблемы вроде расценок

на общежития и отсутствия индексации стипендий погоды не сделают, т. к. это озлобляет, но не толкает на реальные действия, на реальный риск. Как показывают события последних лет, только угроза слияния ВУЗа — весомый повод для организованного протеста в студенческой среде. Потому что в этом случае само будущее студента под вопросом. Проблема с подачками от государства большинство студентов «под вопрос» не поставит. Протест будет, но не массовый, поднимутся только самые неимущие. А вот сохранение и даже регулярное номинальное увеличение выплат при фактическом обнищании семей потенциально могут раскачать массу.

2. Без развития марксистской теории — нам смерть. Вы никогда не задавались вопросом, почему тому же историку Грекову в молодости сами преподаватели в Варшавском университете подсовывали «Капитал», и сознательные студенты копили деньги на запрещённую литературу, в то время как в наше время днём с огнём не сыщешь человека, желающего писать научные работы в рамках этого подхода? Злая цензура? Вовсе нет. Отсутствует развитие, а потому за марксизмом сегодня лишь скромная роль чего-то вспомогательного. Эту ситуацию надо переломить, иначе никаких новых исследователей наша идеология получать не будет. Только «ура-революционеров» с полужнанием, но двойными амбициями. Сделать это, на мой взгляд, можно следующим образом:
 1. В области исторической науки особое внимание стоит уделить постсоветскому периоду. Негласно его ещё называют «Современная история». Отмечаю некоторую тенденцию, что наиболее амбициозные студенты стараются бросить свои усилия именно туда (поле-то толком не пахано, есть возможность оставить значимый след), но не находят опоры — государство наше прекрасно знает, на какой грязи стоит, и особого запроса на исследования по Первой чеченской войне или шахтёрским забастовкам 1990-х гг. нет, хотя и запрета, конечно же,

тоже нет. Это просто не поощряется. Если в ближайшее десятилетие у левых получится подсушиться, то мы вполне можем занять эту «нишу» так, что игнорировать марксистскую мысль (при высоком качестве работ, конечно же, а не очередной красненькой публицистике) станет невозможно. Тем более, что нам и самим полезно разобраться в том, «что это было?».

2. Занятие такой прочной ниши поспособствует тому, что профессура невольно станет работать на нас. Не в том смысле, что все будут восторгаться и бросать привычные подходы. Просто о марксистских работах тогда станет невозможно говорить только в прошедшем времени или не говорить вообще. Нечто подобное я наблюдал на примере совершенно либеральной «Красной смуты» Булдакова — одни ругают, другие хвалят, и ни одного предмета без неё не обходится — историография, последние предреволюционные годы, ранняя советская история... В итоге нет-нет, а кто-то берёт эту книжку в руки.
3. А пока что, кроме подсовывания книжки Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» и профилактических бесед на тему, почему марксизм это не просто одностороннее возведение одной стороны общественной жизни в абсолют, предложить нечего. Да и дело не только в азбуке материализма, которую и сейчас можно спокойно получить на занятиях, дело в диалектике, и тут признаюсь честно — мне самому пока что дать людям нечего.
3. Эффективна только индивидуальная агитация. Я — не единственный человек левых взглядов в нашем ВУЗе, хотя нас и ничтожное меньшинство. Все мы прошли через попытки превратить университетскую кафедру в трибуну, пытаюсь толковать вопросы истории по-марксистски, пусть даже с опорой на не всегда идеальную советскую историографию. Это никого не трогает. Вообще. И к этому выводу мы пришли независимо друг от друга. Не то, что свободных ушей, для своих речей вы не найдёте даже оппонентов: редкий случай, когда

самая фанатичная и неразборчивая агитация в пользу левых взглядов не находит отклика, пусть даже агрессивного. Вы просто рискуете прослыть фриком. Всем всё равно, что вы там читаете у кафедры: люди либо мотают ленту, либо ждут своей очереди на ответ. Внимательно следить за жизнью факультета и вылавливать всех, кто сколько-нибудь отличился политическим сознанием — пока что единственный выход. Это и может создать костяк для вашего будущего кружка.

Бывают и экстравагантные случаи. Как-то наш курс водили на достаточно скучную лекцию-обязаловку о том, что такое ваша банковская карточка и как она работает. На горе лектора, в извечном теоретическом вопросе, мучающим многих россиян, — чьи же деньги на счёте: мои или банка? — он активно отстаивал, что банка. Причём достаточно агрессивно, бросаясь выражениями вроде:

«Когда человек отдаёт деньги банку, он хочет иметь процент. Он сознательно идёт на риск, он капиталист [!!! — Прим авт.], а потому когда банк прогорает, не надо потом стоять с жалобными глазами и трясти плакатами „Верните наши деньги!“... Они не были вашими с момента открытия счёта, у банка было просто обязательство перед вами на определенную сумму, вы сами пошли на риск».

Когда пришло время вопросов, мне удалось первым взять слово и задать с виду невинный вопрос:

«Что нас, что наших родителей активно переводят на безналичный расчёт через банки. По сути, уже многие годы своих денег мы в руках не видим — наши зарплаты и стипендии без нашего согласия сразу же отдают банкам. А что, если мы не хотим рисковать и получать наличность на руки? Почему это происходит в обязательном порядке?»

Эффект был крайне неожиданным: лектор потерялся, попытки перейти на

другой вопрос успеха не имели, зал резко оживился и наполнился одобрительным гулом, а после, на перекуре, у меня была прекрасная возможность донести верную позицию по многим вопросам, и слушали её охотно. Впоследствии это обернулось полезными контактами.

4. Не бросайте критику, даже если дело кажется безнадежным. В очереди, в курилке, между парами — не затыкайте уши наушниками. Живо откликайтесь на обсуждения действий администрации или политических событий, стараясь дать им марксистскую оценку, не кидаясь при этом громкими фразами. Иногда же лучше помолчать и послушать, чтобы иметь представление о разных ситуациях, что называется, из первых уст. Вы ещё сами можете удивиться тому, как действуют на людей ими же когда-то высказанные мысли, но позже повторённые вами и получившие соответствующую трактовку.

**ЗАБУДЬТЕ О ТОМ, ЧТОБЫ НАДОЕДАТЬ
ЛЮДЯМ РЕПОСТАМИ ИЛИ РАСПРОСТРАНЯТЬ
ЛЕВУЮ МАКУЛАТУРУ ВСЯКОГО СОРТА. И
ОТДАЧИ НЕТ, И АДМИНИСТРАЦИЯ БДИТ. НАМ
НАДО РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ.**



Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 522. ↩
2. Если им нельзя верить, то реальная событийная сторона просто не познаваема, но зато прекрасно реконструируются «формы тоталитарного мировосприятия»
↩
3. Там же. С. 526. ↩
4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 520. ↩
5. Там же. ↩
6. Там же. С. 517. ↩
7. Там же. С. 507. ↩
8. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с. – С. 511. ↩